

11.3. Первый раунд переговоров

Инициатива переговоров, можно сказать, исходила от обеих сторон. В Токио предполагали вернуться к предложениям Х. Ито, представленными им в Петербурге в конце 1901 г., интерпретировав их как возможность размена Маньчжурии на Корею (хотя сам Х. Ито говорил о другом – о самостоятельном соглашении по Корее, не отрицая возможность такого же по Маньчжурии, но после). В свою очередь, В.Н. Ламздорф резонно считал, что присоединение Маньчжурии к России, за что выступал Е.И. Алексеев, увеличивает риск столкновения с Японией и с ней следует договориться. Его также тревожили слишком активные действия безобразовцев в Корее.

16 (29) мая министр предложил Николаю II прозондировать в Токио возможности соглашения России с Японией. Царь одобрил идею, и В.Н. Ламздорф уже 17 (30) мая уполномочил Р.Р. Розена искать договорённости по Корее⁶². Посланник сообщил, что для этого необходимо отказаться от ведения активной политики в королевстве. В.Н. Ламздорф подхватил мысль (ведь она обещала положить конец безобразовскому предприятию), выразив готовность не мешать невоенной деятельности Японии в Южной и Центральной Корее⁶³. Однако министра ждал неприятный сюрприз: Николай II предложил вести переговоры Е.И. Алексееву⁶⁴. Наместник же являлся принципиальным противником соглашения с Японией: он полагал невыгодным для России обменять Южную Корею на Маньчжурию, предпочитая пассивно ждать, пока Япония не займёт часть королевства силой, чтобы появился повод для протеста⁶⁵. Адмирал был более озабочен соглашением с Китаем об эвакуации Маньчжурии, подыскивая аргументы для продолжения оккупации.

Первый шаг сделала Япония. Ещё в апреле 1902 г. Х. Ито убеждал скептически настроенного А.П. Извольского в возможности русско-японского соглашения по Корее. 11 (24) февраля 1903 г. в Петербурге состоялась первая встреча нового японского посланника Ш. Курино с В.Н. Ламздорфом, по поручению Токио японец сразу заговорил о достижении договорённости между

⁶² АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1519. Л.133, 139 об.

⁶³ ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.179. Л.177–179, 180.

⁶⁴ Телеграмма В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексееву 16 (29) июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.484. Л.2. Позднее царь сообщил об этом японскому посланнику Ш. Курино, добавив, что наместнику поручено также составление контрпредложений (телеграмма В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексееву 13 августа 1903 г. // Там же. Л.5).

⁶⁵ Е.И. Алексеев – Р.Р. Розену 17 (30) июня 1903 г. // Там же. Д.156. Л.7; Е.И. Алексеев – Николаю II 6 июля 1903 г. // Там же. Д.134. Л.13. Р.Р. Розен также не приветствовал идею переговоров, считая затруднительным разделить корейский и маньчжурский вопросы, а корень русско-японских разногласий он ошибочно усматривал в Маньчжурии, а не в Корее.

двумя странами⁶⁶. Беседы продолжились и дальше, как в Петербурге, так и в Токио (в июле 1903 г. – уже с Р.Р. Розеном)⁶⁷. Стороны понимали желательность достичь взаимопонимания и готовились к трудному диалогу. Наконец, по поручению японского руководства посланник в Петербурге Ш. Курино обратился к В.Н. Ламздорфу с предложением начать обмен мнениями по Дальнему Востоку.

После непродолжительной дискуссии с Токио Петербург избрал специфический порядок принятия решений. Сами переговоры по решению Николая II вёл в Токио Р.Р. Розен. Все японские предложения и ответы он посылал в Петербург, а также в Порт-Артур Е.И. Алексееву. В столице в суть дела посвящались министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, военный министр А.Н. Куропаткин, морской министр Ф.К. Авелан, безобразовец А.М. Абаза, который руководил канцелярией Особого комитета Дальнего Востока⁶⁸, и, разумеется, сам царь. После обсуждения запрашивалось мнение Е.И. Алексеева и лишь затем утверждалась окончательная инструкция для действий Р.Р. Розена. Такой порядок был весьма неудобен, а главное, он требовал значительного времени для согласования заметно отличавшихся позиций Петербурга и Порт-Артура. Кроме того, он ещё и менялся: влияние наместника постепенно уменьшалось, а В.Н. Ламздорфа – увеличивалось. В итоге японцы использовали эту медлительность как повод для прекращения переговоров. Они подсчитали, что с момента передачи условий Токио до получения первого русского ответа прошло 52 дня⁶⁹. Не оправдывая Токио, надо признать, что для стороннего наблюдателя, если он не знал всю «кухню» принятия решений, такое поведение России проще всего объяснялось желанием затянуть время, чтобы лучше подготовиться к войне (что Петербург, кстати, и делал).

30 июля (12 августа) Ш. Курино передал В.Н. Ламздорфу японские предложения⁷⁰. В их основе лежала идея обмена Кореи на Маньчжурию (как бы

⁶⁶ Nish J. *Op. cit.* P.132.

⁶⁷ Р.Р. Розен – в МИД 2 июля 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.101. Л.106–108.

⁶⁸ Особый комитет Дальнего Востока был учреждён вместе с наместничеством. Он задумывался как необходимая инстанция между наместником и ведомствами. В число его членов входили министры, председателем являлся царь. Однако за 1903–1905 гг., пока существовало наместничество, он так и не собирался ни разу. Подробнее см. главу 10 «Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.)».

⁶⁹ Okamoto Sh. *The Japanese Oligarchy and the Russo-Japanese War.* N.Y.:L., 1970. P.80.

⁷⁰ 1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской империй и поддерживать начало равного благоприятства для торговли и промышленности всех наций в этих странах.

2. Обоюдное признание преобладающих интересов Японии в Корее и специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии, и права Японии

Токио это не отрицал), причём обмена неравноценного (хотя речь преимущественно шла о судьбе королевства). За Россией Япония признавала только специальные железнодорожные интересы, тогда как сама хотела действовать в Корее практически без ограничений (это скрывалось в ст. 5). Конечно, для соблюдения приличий в первой же статье подтверждалась «независимость» и «целостность» Китая и Кореи⁷¹. Находившийся в Японии чиновник Министерства финансов Н.А. Распопов одновременно сообщил С.Ю. Витте о позиции японского общественного мнения: оно требовало, чтобы Россия освободила Маньчжурию и вернула её Китаю с тем, чтобы Пекин открыл доступ туда иностранцев; Корею же предстояло стать сферой исключительных интересов Токио. Чиновник считал такие требования чрезмерными, но констатировал: «депутаты, политические партии и клубы, чиновничество, профессорат и студенчество, наконец, класс молодых военных – всё это думает именно так и желает именно этого»⁷². Это была тревожная информация. Конечно, не стои-

принимать в Корее и права России принимать в Маньчжурии такие меры, какие могут оказаться необходимыми для охраны их соответственных, выше определённых интересов, подчинённых, однако, постановлениям первой статьи настоящего соглашения.

3. Взаимное обязательство со стороны России и Японии не препятствовать развитию таких промышленных и торговых действий, соответственно: Японии – в Корее, а России – в Маньчжурии, которые не противоречат постановлениям первой статьи настоящего соглашения.

Дополнительное обязательство со стороны России не мешать могущему быть продолжению корейской железной дороги в Южную Маньчжурию на соединение с Восточно-Китайской и Шанхайгуань-Нючжуанской линиями.

4. Взаимное обязательство, что, в случае необходимости для Японии послать войска в Корею, а для России – в Маньчжурию, с целью охраны ли интересов, упомянутых в статье второй настоящего соглашения, или подавления восстания либо беспорядков, рассчитанных на создание международных осложнений, отправленные таким образом войска не будут ни в каком случае превосходить число действительно потребное и затем отзовутся, как только выполнят своё назначение.

5. Признание со стороны России исключительного права Японии подавать советы и помощь Корее в интересах реформ и доброго управления, включая сюда и необходимую военную помощь.

6. Настоящее соглашение должно заменить все прежние соглашения между Россией и Японией относительно Кореи (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 3 августа 1903 г. // Японская Белая книга. Переписка о переговорах между Японией и Россией в 1903–1904 годах. Представлена императорскому японскому Сейму в марте 1904 года / Гиппиус А.И. О причинах нашей войны с Японией. С приложениями (документы). СПб., 1905. С.173–174).

⁷¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.153.

⁷² Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 10 (23) августа 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.169. Л.71–72.

ло рассматривать «общественное мнение» как позицию японских властей, но задуматься об этом следовало бы. Ещё интереснее выглядела другая встреча Н.А. Распопова – с графом М. Мацукатой. Бывший премьер и министр финансов говорил о сближении двух стран, призывая не придавать большого значения воинственному тону печати. Суть его позиции сводилась к предложению урегулировать отношения через развитие экономических связей, с этим он и обращался к С.Ю. Витте, а не в российский МИД⁷³. Но для С.Ю. Витте информация о настроениях в Стране восходящего солнца осталась не востребовавшей: менее чем через неделю после того как это послание было отправлено, он получил отставку и – соответственно – утратил и без того уменьшающееся влияние на ход дальневосточных дел.

Реакция всего российского руководства, в том числе и графа, на полученный японский проект соглашения являлась эмоциональной и дружно негативной: притязания Японии расценивались как наглость. О передаче японских предложений Е.И. Алексееву и Р.Р. Розену для подготовки ответа В.Н. Ламздорф сообщил Ш. Курино 27 августа (9 сентября). На это понадобился ещё почти месяц: он был представлен 20 сентября (3 октября), прежде всего, из-за нового порядка (а точнее, беспорядка) ведения дальневосточной политики.

Первоначально Николай II «повелел вести дела так, как хочет Алексеев». Наместник же настаивал на жёстком курсе в отношении Японии, по-прежнему отказываясь уступать ей всю Корею. Он не собирался ликвидировать безобразовское предприятие на р. Ялу, полагая, что оно не знаменует собой активную политику России в Корее. Глава российского Дальнего Востока требовал от Токио объявить Маньчжурию вне сферы японских интересов, соглашаясь признать в ответ только торговые права Японии там⁷⁴. Его дипломатический чиновник Г.А. Плансон, формулировавший позицию Е.И. Алексеева, подготовил контрпроект из пяти статей. Кроме взаимного признания независимости Кореи и обязательства не использовать её территорию в стратегических целях, Россия обещала не препятствовать промышленной деятельности японцев в королевстве. Бассейн р. Ялу объявлялся нейтральной зоной, куда запрещалось вводить войска. Петербург также признавал торговые и промышленные интересы Токио в Маньчжурии, взамен он хотел получить обещание Японии не вмешиваться в русско-китайские отношения по поводу этой окраины Цинской империи (обязательство, которое имело мало смысла)⁷⁵. Проект этот выглядел как

⁷³ Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 8 (21) августа 1903 г. // Там же. Л.57–65.

⁷⁴ Е.И. Алексеев – Р.Р. Розену 30 и 31 августа (12 и 13 сентября) 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.156. Л.9–10; Симанский П.Н. Указ. соч. С.155–156, 165.

⁷⁵ Проект договора с Японией, составленный Г.А. Плансоном, б/д. [конец августа

составленный недостаточно профессионально, так как в грубоватой форме намекал на скорую аннексию либо протекторат России над Северным Китаем. В ответ Японии уступалось не так много, во всяком случае, меньше того, что она уже решила для себя требовать.

Кроме того, Г.А. Плансон не вполне точно отразил мнение наместника, который склонялся даже к более жёсткой позиции. Е.И. Алексеев полагал, что Россия, «сохраняя все преимущественные права в Маньчжурии (которых у неё никогда не было, имея в виду договоры с Пекином, а не цзяньцзюнями – И.Л.), предоставляет Японии» преимущественные права в Корее⁷⁶. Впрочем, адмирал вообще желал бы изъять упоминание Маньчжурии из соглашения, но не понимал, как это можно сделать, по сути предлагая разменять на неё Корею.

В принципе позиция Г.А. Плансона – Е.И. Алексеева была не такой уж безнадёжной для переговоров. Но дипломатический чиновник явно оказался не на своём месте: он не умел составлять столь важные документы. Если он хорошо понимал, что Россия может предоставить Токио «всевозможные права и преимущества», не отказываясь «от всего» в Корее, то есть, от прав, «присущих каждому независимому государству» (это совершенно справедливо – И.Л.), то его же нежелание допустить, чтобы Япония могла «распоряжаться судьбою Маньчжурии на одинаковых с Россией правах» вызывает скорее недоумение⁷⁷. В Токио никто не говорил о намерении «распорядиться» Маньчжурией, там выступали за её интернационализацию, то есть, равные возможности в ней для всех, защищая таким образом как свои интересы, так, например, и интересы англичан и американцев.

Между набросками контрпроекта и его окончательным вариантом (после обсуждения с Е.И. Алексеевым) у Г.А. Плансона прослеживается заметная разница⁷⁸. В набросках Россия допускала появление японских войск в королевстве, но без возведения там постоянных укреплений. От Японии же требовалось признать Маньчжурию вне сферы её интересов. Эти пункты исчезли из окончательного варианта, но затем, на следующих этапах переговоров они появились вновь. Похоже, что Е.И. Алексеев придерживался иного принципа определения российской позиции: он был менее категоричен в условиях, но абсолютно жёсток по части их пересмотра, то есть, не допускал торга, что плохо для дипломата. Но с Г.А. Плансоном они пошли по такому пути: меньше уступок от Японии – меньше требований к ней.

1903 г.] // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.59. Л.1.

⁷⁶ Замечания Е.И. Алексеева на проект Г.А. Плансона 25 августа 1903 г. // Там же. Л.2.

⁷⁷ Плансон Г.А. Записка по поводу японского проекта соглашения 25 августа 1903 г. // Там же. Л.4 об. – 5.

⁷⁸ Там же. Л.2–3.

Позиция Е.И. Алексеева казалась излишне бескомпромиссной. Даже Р.Р. Розен, также склонный придерживаться твёрдой линии, полагал, что Страна восходящего солнца не примет условий адмирала. Посланник считал, что война маловероятна, но если Токио всё-таки решился бы развязать её, то предлогом стал бы либо отказ России от эвакуации Маньчжурии, либо деятельность концессионеров на р. Ялу⁷⁹. В сущности никакого решения он не предлагал, лишь говорил о необходимости пассивной позиции относительно Кореи и вообще смотрел на переговоры пессимистично, полагая, что японцы требуют слишком многого и что правительство под давлением общественного мнения не посмеет отступить. Такая позиция барона скорее свидетельствовала о том, что он либо не вполне понимал всей остроты момента, либо не решался высказать своё мнение начальству прямо.

Одновременно 14 (27) августа Николай II поручил составить проект ответа на японские требования А.М. Безобразову. Он представил свой текст уже через два дня. В отличие от наместника новоявленный статс-секретарь увязал маньчжурский и корейский вопросы, император согласился с этим, вставив от себя лишь слово «аналогичных» применительно к русским интересам в Маньчжурии и японским в Корее⁸⁰. Этого вряд ли было достаточно для полноценного ответа японцам. Лишь затем на первый план вернулся Е.И. Алексеев. Эпизод с А.М. Безобразовым характерен для дипломатии Николая II последних месяцев перед войной. Правда, самодержца, кажется, не вдохновил его проект, поэтому статс-секретарь к составлению дипломатических документов более не привлекался.

Царь как ни в чём не бывало поддержал позицию наместника. Из Дармштадта он написал ему: «Разделяю Ваше мнение относительно необходимости продолжить оккупацию Маньчжурии и твёрдого заявления Японии в этом смысле». То есть, как и адмирал, он развёл маньчжурский и корейский вопросы, соглашаясь, что «было бы весьма желательно прийти с Японией к действительному соглашению на почве Кореи». Самодержец не возражал против серьёзных уступок, намереваясь дать понять Токио, «что Россия не имеет никаких завоевательных стремлений в Корее, но что она будет охранять свои интересы в пограничной с этою страню полосе». Николая II совершенно

⁷⁹ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 23 августа 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.485. Л.11–13. Эти мысли повторялись в целом ряде писем и телеграмм посланника. Возможно, что он опирался на донесения военного агента в Японии В.К. Самойлова, утверждавшего, что все военные приготовления в Стране восходящего солнца ведутся в расчёте на высадку в Корее всего двух дивизий (рапорт В.К. Самойлова Е.И. Алексееву 17 сентября 1903 г. // Там же. Д.139. Л.19–23). Этой точки зрения офицер придерживался практически до начала войны (см. его рапорт 27 декабря 1903 г. // Там же. Л.56–59).

⁸⁰ Абза А.М. Русские предприятия в Корее в связи с нашей политикой на Дальнем Востоке 1898–1904 // ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.185. Л.105 об.

не беспокоило («положительно не вижу опасности для нас») проникновение японцев «в южную и даже среднюю части Корейского полуострова»: он полагал, что «со временем» это лишь ослабит японцев⁸¹. В общем, царь был настроен миролюбиво и явно мягче, чем те, кто принимал решения в Петербурге. Но он находился в Дармштадте и не спешил возвращаться, что, очевидно, не лучшим образом сказалось на ходе переговоров.

Русский ответ, представленный в Токио Р.Р. Розеном 20 сентября (3 октября), отразил в основном взгляды наместника⁸². Его основной смысл состоял в предложении обменять Корею на полный отказ Японии от всяких действий в Маньчжурии. Посланник ещё в июне, до начала переговоров отмечал, что в Стране восходящего солнца крепнет «партия размена» и предлагал тогда поддержать её, разумеется, не связывая себя никакими обязательствами⁸³. При этом возможности Японии на полуострове ограничивались: от Токио требовали обещания не укреплять Корейский пролив, а также установить нейтраль-

⁸¹ Копия записки Николая II Е.И. Алексееву, б/д. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.2421. Л.1 об. – 2.

⁸² 1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.

2. Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее и права Японии подавать советы и помощь Корее в видах улучшения гражданского управления империи без нарушения постановлений статьи 1-ой.

3. Обязательство со стороны России не мешать торговым и промышленным предприятиям Японии в Корее и не противодействовать никаким мерам, принимаемым с целью их охраны, пока эти меры не нарушают постановлений статьи 1-ой.

4. Признание права Японии посылать для той же цели войска в Корею с ведома России, – однако число их не должно превосходить действительно потребного, – и с обязательством для Японии отзываться эти войска как скоро они выполняют своё назначение.

5. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей и не предпринимать на берегах Кореи никаких военных работ, могущих угрожать свободе плавания в Корейском проливе.

6. Взаимное обязательство считать часть территории Кореи, лежащую к северу от 39-ой параллели, нейтральной полосой, в которую ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войск.

7. Признание Японией Маньчжурии и её побережья во всех отношениях вне сферы её интересов.

8. Настоящее соглашение должно заменить все прежние соглашения между Россией и Японией относительно Кореи (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 5 октября 1903 г. // Японская Белая книга... С.189).

⁸³ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 20 июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.485. Л.130–131. Идею размена поддерживал и Н.А. Распопов, полагавший, что в Японии она доминировала над желанием военного конфликта (Н.А. Распопов – С.Ю. Витте 6 (19) июля 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.917. Л.144).

ную полосу, свободную от войск, севернее 39 параллели. Последняя идея принадлежала Е.И. Алексееву⁸⁴. Наместник считал необходимым дать понять в жёстком тоне Стране восходящего солнца, что Россия станет защищать свои интересы в Маньчжурии любыми средствами, в том числе – и военными⁸⁵. Конечно, это была ошибочная позиция, так как она очевидно исходила из предположения, что Япония действует в одиночку и будущее Маньчжурии её не очень тревожит. Русский ответ японское руководство рассмотрело уже 22 сентября (5 октября), за этим последовало обсуждение разногласий в двух вариантах между Ю. Комурой и Р.Р. Розеном. Оптимизм Генро относительно исхода переговоров сильно уменьшился⁸⁶. Японцы постоянно торопили переговоры⁸⁷.

11.4. Второй раунд

За время ожидания японского ответа в российской политике произошли важные изменения. Чрезмерная твёрдость Е.И. Алексеева, оставлявшая совсем мало шансов на успех переговоров, встревожила Николая II. 22 сентября (т.е. сразу после отправки русского ответа в Токио) наместнику послали телеграмму с утверждением, что проникновение Японии в южную и центральную части Кореи только ослабит агрессора, а не явится поводом к началу войны: «в этом случае нам не следует горячиться, а напротив того, избегать всего, что могло бы вызвать столкновение»⁸⁸. Е.И. Алексеев же готовился атаковать японскую армию в случае её высадки на корейском берегу⁸⁹. Наместник полагал, что схватка неизбежна, поэтому лучше нанести удар первыми. Он уже отдал распоряжение готовить тихоокеанскую эскадру к покраске в боевой цвет⁹⁰. Однако в ответ на предложение Е.И. Алексеева объявить Японии войну царь настоял, чтобы В.Н. Ламздорф составил от его имени телеграмму в Порт-Артур в самых категорических выражениях: «не желаю», «не допущу» войны. Николай II подписал её, не смягчив резких фраз⁹¹. В конце октября самодер-

⁸⁴ Симанский П.Н. Указ. соч. С. 158–159.

⁸⁵ А.М. Безобразов – В.К. Плеве 15 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.41 об.

⁸⁶ Okamoto Sh. *Op. cit.* P.97.

⁸⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С. 174–175.

⁸⁸ АВПРИ. Ф.138. Оп.467. Д.205. Л.68.

⁸⁹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С. 93. Запись 14 октября 1903 г.; Документы по переговорам с Японией, хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. (На правах рукописи). [СПб., 1905]. С.19–23.

⁹⁰ Бок Б.И. Завтрак у наместника // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С.22–25.

⁹¹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.93. Запись 14 октября 1903 г. В начале октября 1903 г. И.Я. Коростовец сообщил Е.И. Алексееву о повороте настроений в Петербурге в сторону умеренности, несмотря на отстранённость МИДа (Н.Г. Гартвиг